

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	11
Сибирские купцы	15
Сибирские купцы в более широком контексте	19
Имперская и советская историография	24
Постсоветская историография	32
Интеграция России в мировую историю: история капитализма и взлета Запада	37
Об империи	48

Часть первая. Торговля и империя

<i>Глава 1. «Ради наживы и царя»: торговля в России раннего Нового времени</i>	<i>58</i>
Уход от дихотомии «Восток — Запад»	59
Пересмотр места Руси в мире	62
Торговля — средоточие Московского государства	64
Путешествие Афанасия Никитина в Индию	66
Подъем Московии	68
Водораздел XVI века	72
Государство коммерческого активизма	80
Российские доходы	83
Развитие восточной торговли	87
Купеческие диаспоры	91
Торговля Востока с Западом: мост и сторож	95
Государственные монополии	98
Налогообложение — раннее регулирование	100
Протекционизм	103
Коммерческий корпус	108
Заключение	110
<i>Глава 2. Сибирь в евразийском контексте</i>	<i>112</i>
Ислам в Евразии	115
Сибирь во времени	118
Сибирское ханство	119

Входит Московия	122
Российская экспансия в Сибирь	124
Пушнина в широком контексте	131
Инструменталистский подход к торговле	138
Сибирская экономика	141
Место сибирской экономики в России	143
Волжская торговля: Казань и Астрахань	147
Заключение: торгово-ориентированная не-вполне-колония	154

***Часть вторая. Пространства обмена:
от центра к периферии***

Глава 3. Пространства обмена: государственные структуры	164
Установление российской власти в Западной Сибири	165
Реки, формирующие империю	172
Людские ресурсы и политика: вовлечение и подозрительность	181
Минималистски-активистское государство	186
Сибирское таможенное управление	193
Таможенный персонал	207
Заключение	210
Глава 4. Пространства обмена: видимое и невидимое	212
Торговый мир Сибири раннего Нового времени	212
Места торговли: гостиный двор	218
Каждодневная торговля	222
Жизнь купца	226
Там, где государство не увидит	233
Сторожа сторожей	239
Неформальные каналы обмена	244
Заключение	248
Глава 5. Связующее звено евразийской торговли: Ямыш-озеро	253
Вдоль Иртыша	254
Особенности пространства: отдаленность с точки зрения раннего Нового времени	256
Знакомство с Иртышом	260
Торговля и конфликт в степном пограничье	266
Соль и политика на Ямыш-озере	269
Русские на Ямышевском рынке	276
Прибыль за границами России	279
Скандал	282

Постоянная таможня в Ямышевске	286
Евразийская торговля: перемещение, рост	288
Расширение империи: Иртышская линия	291
Заключение	296

Часть третья. Сибирские купцы

<i>Глава 6. Элиты раннего Нового времени: семья Филатьевых</i>	<i>302</i>
Ранние Филатьевы	304
Остафий Иванович Филатьев	308
Торговля с Китаем	319
Внутри сети Филатьевых	324
Имущество и «соляные войны»	332
Следующее поколение Филатьевых:	
Василий и Алексей Остафьевичи	336
Филатьевы в Петровскую эпоху	342
Культура, класс: к вопросу о статусе гостей	347
Судьбы Филатьевых в послепетровскую эпоху	356
Заключение	361
<i>Глава 7. Торговля и вероисповедание: семья Шабабиных</i>	<i>363</i>
Кто были бухарцы в Сибири	369
Поколение 1: Шаба Сеитов (1652–1657)	378
Поколение 2: Ашмен Шабабин (1672–1704).	390
Уступки исламу, поиск доходов	398
Поколение 3: Шаба Ашменев (1704–1762)	403
Поколение 4: Сеит Шабин сын Шабабин (1742–1793)	416
Крещения с последующим оспариванием	418
Поколение 5: Сулейман Сеитов сын Шабабин (1762–1768)	422
Заключение	423
<i>Глава 8. Купцы средней руки</i>	<i>426</i>
Отсутствие исследований отсутствующего среднего класса	427
Семья Норицыных	429
Анатомия гостинной сотни	440
Гостевы	442
Спиридон Яковлев Лянгусов	448
Гостинная сотня и государственная торговля с Китаем	457
Сибирь в империи: не как транзит, но как место	461
Размышления о мобильности	464

Заключение	467
Государство коммерческого активизма в Евразии	469
Россия в мире	472
Петр I и торговля	476
Экономики раннего Нового времени	484
К вопросу о российской «отсталости»	485
К стереотипам о русских купцах	488
<i>Послесловие. Разные значения Сибири</i>	<i>502</i>
Благодарности	508
Библиография	512
Словарь терминов	546
Сокращения	548
Указатель географических названий	549
Указатель имен	555

Посвящаю Сету

ВВЕДЕНИЕ

Merchant Adventurer, and free of Russia.

*Эпитафия на надгробном камне
Ричарда Чемберлена, умершего в 1562 году*

И тот де индиец тому гораздо подивился, что ему нигде обиды ништо ничего не учинил.

*Доклад Посольского приказа о беседе
с индийским купцом Сутуром Кедековым, XVII век*

Ричард Чемберлен торговал скобяными изделиями, был членом городского управления и купцом. Он был одним из учредителей Компании купцов-путешественников для открытия новых земель, предшественницы Российской компании, которая, будучи сформирована в 1555 году, стала первой масштабной торговой компанией раннего Нового времени. Когда в 1566 году Чемберлен был похоронен рядом со своей первой женой на кладбище прихода Святого Олафа в Лондоне, эпитафия на его надгробном камне гласила: «Merchant Adventurer, and free of Russia»¹. Вероятно, эту фразу следует перевести «купец-путешественник, вольный жить и торговать в России» — интересно, что он выбрал подобную формулировку, которая в XVI веке не была в официальном ходу ни в Российской компании, ни у властителей самой России. Однако, столкнувшись с этой эпитафией, я услышала ее по-своему. В 1990-х годах, когда Россия открылась, я сама пыталась заниматься бизнесом в этой стране, и, вспоминая этот опыт хронических трудностей и осознания тщетности любых моих усилий, я отнеслась к этому человеку с горячим сочувствием. Я перевела фразу «free of Russia» как «свободный

¹ Willan T.S. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, UK: Manchester University Press, 1953.

от России» и слышала, как Чемберлен произносит ее со вздохом измученного человека, наконец освободившегося от тяжелого бремени, для которого это освобождение важнее успеха или неудачи, и сообщает потомству, что ему уже не придется нести тяготы российского делового мира. Ему хватило¹. Если Чемберлен хотел поделиться именно этим чувством, он был отнюдь не единственным, кого доконало ведение дел в России. Многочисленные источники сетуют на продажных чиновников, ненадежных партнеров, ужасающие трудности с логистикой, холод, расстояние, аморфную нормативно-правовую базу, а также языковые и культурные барьеры, затруднявшие поиск покупателей в России. Все это мешало не только иностранцам, но и местным уроженцам. Даже самые привилегированные русские купцы имели дело с конкуренцией с обоих концов социального спектра. Немало предприимчивых крестьян с Русского Севера, начав с мелочной торговли, стали богатейшими купцами. Еще находясь внизу общественной лестницы, они иногда выступали в роли приказчиков иностранных купцов, что угрожало их более богатым соотечественникам потерей конкурентных преимуществ. Но и самые влиятельные лица в стране не гнушались торговли: боярин Борис Иванович Морозов, свояк царя, активно участвовал в двух важнейших экспортных отраслях Московии, вывозе юфти и поташа². Нелегко было делать дела в Московии.

И однако же высеченная в камне эпитафия английского предпринимателя не отдает должное широчайшему спектру возможностей, открывавшихся для торговли в России раннего Нового времени. К слову, будучи англичанином в России во времена Ивана IV, Чемберлен был освобожден от всех пошлин — на такие льготы не могли рассчитывать даже самые привилегированные русские купцы. И конечно же, не было такой льготы у индийского купца-экспата Сутура Кедекова. Более того, будучи временным жителем Астрахани, Кедеков платил одну из самых высоких пошлин в России, и все же он «гораздо подивился»

¹ Выражаю благодарность Грегу Афиногенову, обратившему на это мое внимание.

² *Гейман В. Г.* О хозяйстве боярина Б. И. Морозова // *Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.* / Отв. ред. С. Г. Томсинский. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. LXX–LXXXIII.

благоприятным условиям для торговли, с которыми он столкнулся. По его словам, в отличие от Персии, нигде в России, ни в Астрахани, ни в Казани, «обид никаких ни от кого не было и торговать ему дали повольною торговлею... пошлину имали прямую и отпускали ево везде без задержания»¹. Разумеется, фразу индийца, дошедшую до нас в докладе Посольского приказа, можно воспринимать со скепсисом. У купца могли быть причины приукрашивать свои впечатления в беседе с дьяком, задававшим ему вопросы, но мы не должны исходить из того, что дьяк приукрасил свой доклад: как же тогда объяснить объемистые жалобы на злоупотребления, которые такие же дьяки сохранили для истории?

Дело в том, что взгляд через призму опыта Кедекова отнюдь не является господствующим в историографии, посвященной российской торговле: как правило, в книгах историков государство предстает жестоким и давящим, а русские купцы — мошенниками, причем и государство, и купцы отличаются крайней некомпетентностью. Но перспектива нашего индийца заслуживает внимания — Кедеков был отнюдь не одинок. Не вполне ясно, была ли торговая среда действительно столь располагающей или же просто прибыль от торговли в России вознаграждала за все трудности, но факт остается фактом: тысячи купцов приезжали торговать в Россию раннего Нового времени. На протяжении XVII столетия Российская империя приняла тысячи переселенцев с Ближнего и Среднего Востока, из Центральной Азии и Индии (но не из Китая). В 1730-х годах, опрашивая потомков эмигрантов из Бухары, немецкий академик Г. Ф. Миллер получил сходные ответы: их предки переехали в Сибирь, потому что там было удобно торговать. Может ли быть так, что Московия была столь благоприятной для коммерции по сравнению с системами, находившимися к востоку от нее, а по сравнению с системами, лежащими к западу, московский торговый мир был хаотичным и коррумпированным? Эта версия (проблемная тем, что она воплощает ориенталистские общие представления о Востоке и Западе) меркнет на глазах, если вспомнить, что в XVII веке

¹ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 161.

в Россию надолго переехали почти 1400 западных европейцев. Некоторые европейские купеческие семьи действовали в России на протяжении почти всего столетия; 50 английских, голландских и немецких купцов крестились в православие, сделав Россию своей физической и духовной родиной¹. А Ричард Чемберлен принадлежал к первому поколению купцов Московской компании — тем, кому Иван IV даровал щедрые льготы в обмен на английское оружие и в надежде на так и не заключенный союз. Я не хочу сбрасывать со счетов последнее слово умирающего человека, обращенное к потомкам, но при Романовых английским купцам в России пришлось тяжелее, нежели Чемберлену. Однако же они продолжали туда ездить.

Столкновение этих двух взглядов приводит нас к цели этой книги: описать деловой климат и рассказать о жизни купцов в России раннего Нового времени. Два приведенных выше примера связаны с иностранными купцами, чьи коммерческие интересы на время привели их в Россию. Разумеется, мы не отказались бы узнать о тысячах других купцов, относящихся к этой же категории. Но мы еще меньше знаем о тех купцах, которые были подданными царя. Эта книга посвящена им. Конечно, одна книга не может начать повествование об истории всех таких купцов в России раннего Нового времени, особенно принимая во внимание утверждение Иоганна де Родеса, что в России торговали все. «Всякий — пишет он, — даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль»². Поэтому настоящая книга сосредотачивает свое внимание на купцах, торговавших самыми различными товарами,

¹ Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М.: Б. и., 1992. С. 11; Захаров В. Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1985. Т. 112. С. 177–214. Как сообщает Мария Арель, в первой половине XVII века в Москве жили тридцать восемь «московских иностранцев», европейских купцов, обратившихся в православие. См.: *Arel M. S. Masters in Their Own House: The Russian Merchant Elite and Complaints against the English in the First Half of the Seventeenth Century* // *Slavic and East European Review*. 1999. Vol. 77. № 3. P. 407.

² Родес И. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса / Пер. Б. Г. Курца. М.: Синодальная типография, 1914. С. 149.

привезенными в Россию западными и восточными купцами, в регионе, ставшем самым крупным территориальным приобретением государства в XVII столетии. Настоящая книга посвящена сибирским купцам — обычаям, к которым они пришли, стратегиям, к которым они прибегали в отношениях с государством, а также нишам, которые они заняли в сибирском пограничье вместе со своими друзьями, семьями и конкурентами.

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ

Сцена сибирской торговли была удивительно разнообразной для такого упорядоченного и иерархического общества, как «московитское». Крайняя неоднородность торгового населения подтверждается тщательно сохранными страницами сибирских таможенных книг, из которых сразу становится ясно, что купцы делили рынок со служилыми, женщинами, мясниками, татарами и, до известной степени, чиновниками и коренными жителями¹. Настоящая книга посвящена тем, кто известен как привилегированные купцы. Они принадлежали к одной из трех групп, существовавших приблизительно с конца XVI века до 1720-х годов, членство в которых определялось государством. Три категории привилегированных купцов в Московии были таковы: гости, гостиная сотня и суконная сотня. Эти купцы почти всегда были русскими.

Прежде чем мы пойдем дальше, необходимо вкратце оговорить происхождение, льготы и обязательства привилегированных купеческих корпораций. Выяснить происхождение и смысл всех этих статусов сложно, потому что все они (гости, гостиные сотни, суконные сотни) прекрасно существовали до того, как стали формальными корпорациями, членство в которых определялось Московским государством. К примеру, в Московии XVI века параллельно существовало два вида гостей: те, чей статус определялся великим князем Московским, и те, чей статус им не определялся. Более того, их привилегии не только изменялись со временем, но и, что не удивительно в стране

¹ Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1915. С. 88.

«персональных договоренностей», могли быть разными в зависимости от тех или иных грамот. В числе самых распространенных льгот изначально были свобода от постоя военных, разрешение на частное винокурение и право на рассмотрение дела в суде в Москве. В целом можно сказать, что на протяжении XVII века привилегии стали более единообразными и многочисленными. К 1648 году гости были свободны от выплаты тягла в Москве, хотя, по всей видимости, они пользовались налоговыми льготами уже до того, как получили официальные грамоты, подтверждавшие эти льготы¹. Как правило, гости платили таможенные пошлины с товаров, которыми они торговали.

Каждый гость получал индивидуальную грамоту от царя, что было отражением московской политической культуры, построенной на личных связях, но грамоты, которая бы учреждала саму корпорацию, не было. Когда гости действовали в частном порядке, они очень напоминали влиятельных купцов в других государствах раннего Нового времени, не имевших официального статуса, который бы обязывал их к государственной службе. Когда же гости служили государству, их можно в функциональном плане сравнить с торговыми посланниками других стран, получившими назначение для выполнения конкретной задачи, — купцами, присланными от лица короля или хана. Их государственная служба, как правило, заключалась в том, что они комплектовали бюрократический аппарат, связанный с торговыми или фискальными вопросами, или выступали в роли торговых агентов царя. Их обязанности могли простираться и на другие сферы — например, контроль над строительными проектами или осуществление дипломатических миссий за границей. Это была в высшей степени привилегированная группа. Между 1613 и 1725 годами число гостей варьировалось от десяти (в 1725 году) до шестидесяти одного (в 1687 году), но в среднем составляло около тридцати двух².

Если гости были «генералами коммерческих проектов» России, то второй эшелон купцов, гостиная сотня, были «торговым

¹ ДАИ. Т. 3. № 44. С. 150–151 (26 августа 1658 г.).

² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Т. 1. С. 113, 148, 171, 206.

войском», предназначенным для того, чтобы в любой момент выполнять обязанности, считавшиеся необходимыми для оздоровления финансовой ситуации в империи. В отличие от более эксклюзивной корпорации гостей, гостиная сотня и суконная сотня насчитывали несколько сотен купцов. Членство в этих корпорациях было наследственным и распространялось на всех близких родственников мужского пола (братьев, сыновей, племянников)¹. Суконная сотня гораздо менее заметна в государственных документах. В некоторых она упомянута особо, например в указе царя Федора в 1681 году, но многие государственные документы, упоминающие гостиную сотню, ни слова не говорят о суконной сотне². Тот факт, что плата за бесчестие «крупного» купца из суконной сотни была эквивалентна плате за бесчестие «среднего» купца из гостиней сотни, указывает на их более низкий статус³. Вероятно, их коммерческой нишей были шерстяные ткани, и они выполняли такие же служебные обязанности, как и члены гостиней сотни — например, служили в Сибирском приказе⁴. В какой-то момент в конце XVII века суконная сотня вошла в состав гостиней сотни⁵. Поскольку купцы суконной сотни практически не принимали участия в сибирской торговле, эта книга больше не будет уделять им внимания. Выполняя государственные обязанности, гости и купцы гостиней сотни вместе с тем стремились к собственной выгоде — когда не находились на государственной службе, а также, до известной степени, на задворках государственной службы. Мне ничего не известно о формальных встречах корпорации гостей, но между ними должна была существовать определенная координация, потому что именно гости определяли, кто

¹ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века (по материалам росписей гостей, гостиней и суконной сотен). М.: Мосты, 1996. С. 3.

² ПСЗ-1. Т. 2. № 864. С. 307–310 (3 мая 1681 г.).

³ Смирнов П. П. Посадские люди Московского государства // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев: кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1912. Т. 3. С. 91.

⁴ Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа, 1592–1768: в 4 т. М.: Университетская типография, 1895–1901. Т. 4. С. 81.

⁵ Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century: Windows on the World. Boston: Brill, 2005. P. 203.

будет комплектовать ту или иную таможенную службу, а царь в это вмешивался редко¹.

Выбор определенного ракурса влечет за собой плюсы и минусы, это очевидно для любого проекта. В случае этой книги целью не является ни экономическая история, ни микроистория. В обзоре экономической истории, компонента столь же важного, сколь и неполного, я полагаюсь на существующую историографию. Чтобы стать микроисторией, эта книга должна была бы уделять гораздо больше внимания казакам, служилым, крестьянам и данникам. Таким образом, мой анализ деятельности тех, кто располагал юридическим статусом купца, не создаст полной картины сибирской торговли. Но он может пролить свет на социальную историю купцов в России и продемонстрировать взаимодействие между торговлей и государственным строительством на окраине в раннее Новое время. В Сибири история купцов включает в себя бухарцев — купцов-мусульман, переехавших в Сибирь из Центральной Азии и в награду за это получивших от Российского государства особые льготы, хотя и не вошедших в одну из трех описанных выше привилегированных групп. Настоящая книга пытается показать объемную картину коммерческой жизни в Сибири, обрисовать каждодневные решения и вызовы, а также пути, которыми государственные чиновники могли способствовать или препятствовать коммерческим интересам. Этот подход оправдан потому, что, хотя в теории государство стремилось облегчить деятельность купцов (и обложить ее налогом), на практике контроль центра над периферийной администрацией был осложнен расстоянием и давней традицией самообогащения, существовавшей до того, как чиновники стали получать фиксированное жалованье.

На страницах этой книги мы проследим семейные коммерческие предприятия, порой на протяжении нескольких поколений. Хотя концепция «семейного предприятия» широко известна в истории бизнеса, мы используем другую методологию. Истории семейных предприятий часто основываются на тщательном изучении делового архива. Затем эти записи вводятся

¹ Мерзон А. Ц. Таможенные книги: Учебное пособие о источниковедении истории СССР. М.: Б. и., 1957.

в более широкий контекст. Но когда речь заходит о предприятиях семьи Шабабиных или изучаемых в настоящей книге русских купцов, семейного архива не существует¹. Представленная здесь реконструкция основана на тех моментах, когда члены семьи взаимодействовали с государством. Представьте себе, например, историю Фугтеров или Рокфеллеров, в которой вся информация происходила бы не от деловых записей самой семьи, но от изучения государственных записей — разрешений на ту или иную деятельность, документов о выплате налогов и штрафов, заявлений на получение разрешений, виз и т. д. Когда историк лишен роскоши поместить в центр исследования записи самого учреждения, задача осветить историю семейного бизнеса на протяжении многих поколений становится куда более сложной. Историки, занимающиеся другими сферами, иногда критикуют чрезмерно государственный подход специалистов по истории России, видимо не понимая, что речь идет не о сознательном выборе исследователей, а о необходимости, продиктованной существующими источниками. Это относится и к настоящей истории.

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ В БОЛЕЕ ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ

Присоединение Сибири началось в конце XVI века и было поверхностно завершено в течение семидесяти пяти лет, хотя до самого конца XVIII века Российское государство, пытаясь осуществлять свой суверенитет в Сибири, сталкивалось с серьезными трудностями. Ведение дел в обширных континентальных пространствах, на которые Россия только-только распространила свою власть, порождало свою собственную динамику, и историю сибирских купцов нельзя рассказать, не обращая внимания на государство, в котором они действовали, и на шедший вокруг них процесс строительства империи. Поэтому настоящая книга — еще и история Сибири, пограничных пространств, которые

¹ Единственные известные мне сохранившиеся купеческие архивы до XVIII века — архивы семей Строгановых и Панкратьевых. Источники просто не позволяют создать такие труды, как: *Rothschild E. The Inner Life of Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011, или *The Self-Perception of Early Modern Capitalists* / Ed. M. C. Jacob, C. Secretan. N. Y.: History, 2008.

государство стремилось контролировать, и живших там купцов. Когда речь заходит о Сибири, на ум сразу приходят ссыльные и пушнина, но история Сибири, о которой здесь повествуется, — это история империи, которая учится функционировать.

Задолго до того, как промышленная революция стала катализатором «экономического роста» и он обрел свою классическую роль средоточия политэкономии, произошла и другая революция. Государства эволюционировали и развились как организмы, отнюдь не сводившиеся к военным функциям, хотя именно возможность вести войну оставалась основой и движущей силой инноваций, о которых идет речь. По мере того как государства эволюционировали от «государств-вотчин» к «налоговым государствам», административное развитие основывалось на понимании, что эффективность государственного регулирования, посредничества и участия в торговле в большой степени служит условием его финансового благоденствия¹. Это было особенно верно в России, где от одной до двух третей государственных доходов составляли таможенные пошлины на ввоз и вывоз товаров. Наконец, эти важнейшие процессы государственного строительства происходили одновременно со строительством империй. И хотя некогда считалось, что государства сначала приводили в порядок собственный дом, а затем устремлялись во внешний мир, эта модель разваливается при более внимательном изучении материала. Она безусловно не работает в России.

Кроме того, историю сибирских купцов невозможно рассказать, не приняв во внимание более широкий контекст растущей мировой экономики, в котором Россия оказалась более тесно связанной с Востоком и более плотно интегрированной во все более динамичную мировую экономику. Определяющей чертой раннего Нового времени является то, что межкультурные взаимодействия, существовавшие на протяжении столетий, получили новый толчок, стали более масштабными и оказались

¹ *Glete J. War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660.* London; N. Y.: Routledge, 2002; *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815 / Ed. by R. Bonney.* N. Y.: Clarendon Press, 2000; *Brewer J. The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783.* Boston: Harvard University Press, 1989.

по-новому в фокусе политического внимания. Как пишет Марта Хауэлл, «между 1300 и 1600 годами торговля вышла за пределы, где она была вынуждена существовать на протяжении веков»¹. Говоря о том, что торговля «вышла за пределы», она имеет в виду, что торговля на дальние расстояния теперь затрагивала не только элитные дворы и ограниченное число купцов и торговых агентов, обеспечивавших связанные с ней нужды и желания². Конечно, нельзя сказать, что в Средние века крестьянину или бедному горожанину никогда не доставалось даже образчика шелка, но теперь плоды дальней торговли стали более непосредственно затрагивать жизнь людей повсюду. Сахар с Антильских островов, ситец и хлопок из Индии, лекарственный ревень и чай из Китая, сукно из Англии или меха с Великих озер или из Сибири стали предметами, известными и простонародью. Россия участвовала в этих глобальных изменениях, хотя ее особенности и делают российскую историю уникальной. Поэтому настоящая книга показывает переплетение семейных судеб и судеб империи. Первая и вторая части книги в первую очередь посвящены описанию и объяснению ведомственной, социальной и физической среды, в которой действовали купцы. Книга стремится познакомить своих читателей с местной, имперской и глобальной динамикой, влиявшей на жизнь сибирских купцов, хотя и не устанавливает точной связи между этими тремя измерениями.

На фоне головокругительной геополитической динамики и метаструктурных сдвигов в политической экономике люди жили и торговали. Хотя купцы присутствуют во всех частях настоящей книги, на авансцену они выходят в третьей части. В главе 6 прослеживается история семьи Филатьевых, чьи предприятия в сибирской и китайской торговле позволили им

¹ *Howell M. C. Commerce before Capitalism in Europe, 1300–1600.* N. Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 1.

² Дальняя торговля даже в древние времена не сводилась к предметам роскоши. Хлеб и сушеная рыба путешествовали на дальние расстояния, часто выполняя роль балласта на кораблях. Но в раннее Новое время число тех, кто участвовал в дальней торговле, значительно выросло. *De Vries J. Connecting Europe and Asia: A Quantitative Analysis of the Cape Route Trade, 1497–1795 // Global Connections and Monetary History, 1470–1800 / Ed. by D. O. Flynn.* Burlington, VT: Aldershot, 2003. P. 35–105. В особенности см.: P. 91–92.

подняться на вершину московского коммерческого мира. Глава 7 посвящена истории бухарской семьи купцов-мусульман, переехавших в Тюмень из Центральной Азии и на протяжении столетия процветавших в роли купцов и, время от времени, государственных служащих, при этом сохраняя свое мусульманское вероисповедание. Глава 8 спускается на еще более низкий уровень коммерческой иерархии, прослеживая историю семьи Норицыных, которые так и не достигли выдающегося положения, но почти повсеместно упоминаются среди привилегированных купцов, а в сибирской торговле заметны и сами по себе. В этой главе речь заходит и о купцах из гостинной сотни, которые были особенно вовлечены в китайскую торговлю.

Изучение истории всех этих купцов на местном уровне служит иллюстрацией прагматичности Российской империи. Это особенно важно в случае бухарцев, история которых вносит немалый вклад в историю ислама в империи. После «имперского поворота» 1990-х годов специалисты по России начали сокращать разрыв между собой и другими специалистами по европейской истории, и постколониальный подход стал единственным, который считался приемлемым. Судьба покоренных народов, их приспособление и сопротивление стали сверхпопулярными темами; в центре особенного внимания оказались интеллектуальные элиты коренных народов¹. В постсоветском мире произошел взрыв исследований по национальной тематике². Когда ученые начали писать историю российской периферии, где жило большинство российских мусульман, тематика

¹ Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. P. 918–920.

² В советское время, безусловно, существование в Российской империи мусульман не игнорировалось. Публиковались бесценные сборники документов, посвященные Центральной Азии (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. М.: Изд-во АН СССР, 1932. Т. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII веках; Русско-монгольские отношения, 1685–1691: сборник документов в 4 т. / Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература РАН, 2000). В западном исследовательском сообществе тему конфессиональной сложности Московии задал Эдуард Кинан в своей диссертации: Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: A Study in Steppe Politics. PhD diss., Harvard University, 1965. Работа Дональда Островского (*Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, UK: Cambridge*

ислама в Российской империи заняла почетное место. Террористический акт 11 сентября, чеченские войны, рост татарского национализма и демографические прогнозы, предсказывающие опережающий рост числа мусульман в России, тоже внесли свой вклад в то, что история мусульман оказалась на авансцене. Как и в большинстве постсоветских исследований, посвященных торговле, подавляющее большинство исследований фокусируется на современности¹. Кроме того, оно в большой степени посвящено вопросам идентичности, и ученые дискутируют о том, до какой степени исламский опыт отражается в государственных архивах и т. д.² Этот «преимущественно культурный» акцент привел к тому, что «прошло двадцать лет, как на Западе начались серьезные исследования Центральной Азии в XIX веке, а мы по-прежнему, когда речь идет о понимании социальных и экономических перемен в царское время, пользуемся нарративом советской эпохи», пишет Александр Моррисон³.

Время и место, в которых я работаю, в большой степени скрывшие от историка подробности личной жизни и менталитета, сделали культурную историю русских купцов XVII века, которую я хотела бы написать, практически невозможной. Там, где я находила подобные детали, я вставляла их в свое повествование в надежде, что читатели, страдающие от подобной нехватки, отнесутся к этому снисходительно. Где меня к этому побуждают источники, книга выходит за рамки коммерческой

University Press, 1998), начатая задолго до 1991 года, обращалась к наследию монгольского ига в русской истории, и ее подход предвосхищал будущий расцвет постсоветских работ по роли ислама в истории России.

¹ Большинство этих трудов географически сфокусировано на Кавказе и поволжских татарах, а хронологически — на XIX столетии и более позднем времени. Моя книга является продолжением исторических трудов Ланцева, Фишера, Пирса и Хиттла, писавших несколько десятилетий назад. Исключение — история коренных народов Сибири Форсайта: *Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. N.Y.: Cambridge University Press, 1992.

² Стивен Коткин призывает ученое сообщество выйти за рамки идентичности. См.: *Kotkin S. Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 3. P. 487–531. См. также дискуссию: *Ex Tempore: Orientalism and Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. № 4. P. 691–727.

³ *Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons*. P. 933.

жизни и рассматривает вопросы вероисповедания: например, изучая участие сибирских бухарцев в проповеди или религиозном образовании татарского населения. Торговля и вероисповедание, в конце концов, путешествовали рука об руку. Если это создаст у читателя тематический диссонанс, пусть это послужит напоминанием о том, что роль купцов не ограничивалась экономикой, а жизнь не делилась на четко обозначенные ячейки. Священники и муллы сопровождали караваны, пересекавшие Евразию, а купцы во всех вопросах обращались с молитвами к Богу.

ИМПЕРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Я уделяю главное внимание торговле в Российской империи, в то время как преобладающая тематика трудов по России раннего Нового времени фокусируется на природе Российского государства и его отношениях с обществом. В своем «Народе, рожденном в рабстве» Маршалл По показал, что политическая культура московитов не заботила первых европейцев, писавших о ней, но стала центральной темой начиная с XVI века (Герберштейн, Флетчер), задав тематику для ученых и исследователей на последующие века (хотя это не было предрешено, потому что эти писатели не в меньшей степени интересовались московской экономикой). Государство (и его отношения с обществом) имели чрезвычайное значение для первых поколений русских профессиональных историков, труды которых несли на себе отпечаток их государственных, марксистских или народнических симпатий. Когда Ричард Пайпс со своей патримониальной моделью возобновил дискуссию о природе Российского государства, он шел проторенной дорогой. В своем пылком и влиятельном тексте Пайпс описал государство, в котором царю принадлежало все, а свободы не было¹. Труды таких ученых, как Эдуард Кинан, и тех, кого называли Гарвардской школой, показали, что пайпсовская модель деспотизма — домысел. Кинан высказал мнение, что московский царь был сильнейшим образом ограничен в своих

¹ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. N. Y.: Penguin Book, 1974. Русский перевод: Пайпс Р. *Россия при старом режиме* / Пер. В. Козловского. М.: Захаров, 2012.